

УДК 165.17

DOI:

10.15372/PS20180302

А.В. Хлебалин

О ДВУХ КОНЦЕПЦИЯХ В ПОНЯТИИ ИСТИНЫ ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА

Работа посвящена исследованию обоснованности предположения Х. Филда о возможности различения в понятии истины, так как оно используется в естественном языке смешением двух концепций истинности: корреспондентной и дисквотационной. Показано, что обе философские концепции недостаточно разработаны для того, чтобы представить предположение Филда в виде развитой теории. Установлено, что предположение Филда сталкивается с проблемой объяснения возможности дисквотационной истины увеличивать теоретико-доказательную силу теории в математике.

Ключевые слова: истина; корреспондентная теория; дисквотационная теория; дефляционизм; экспрессивная функция истины

A.V. Khlebalin

ON TWO CONCEPTIONS IN THE NOTION OF TRUTH IN THE NATURAL LANGUAGE

The article studies the validity of H. Field's assumption of the possibility of confusing two different conceptions of truth, a correspondent conception and a disquotational one, in the concept of truth as it is used in the natural language. It is shown that both philosophical conceptions are not sufficiently developed to represent Field's assumption as a well-developed theory. We ascertain that Field's assumption faces the problem of explaining the possibility of disquotational truth to increase a theoretical-evidential value of the theory in mathematics.

Keywords: truth; correspondent theory; disquotational theory; deflationism; expressive function of truth

Х. Филд [5; 7] указал на то, что проблемы с экспликацией содержания понятия истины могут быть связаны с тем, что в том, как это понятие употребляется в естественном языке, смешаны две концепции истины: корреспондентная и дисквотационная, или дефляционная. Такое сосуществование альтернативных концепций не яв-

ляется примером печально известной многозначности, в случае которой всегда понятно, что одним словом называются две разные вещи. Смешение двух концепций в обыденном словоупотреблении слова «истина», согласно Филду, скорее напоминает смешение двух концепций, как, например, при употреблении слова «масса» до создания теории относительности. Обыденное понимание массы не подразумевало ее связи со скоростью. Обнаружение этой связи позволяет увидеть в обыденном употреблении слова смешение двух понятий: «инерциальной массы» и «массы покоя». Констатация смешения этих разных понятий основана не только на демонстрации того, что в разных обстоятельствах измерение массы даст разные результаты. Потребовалось включение в теорию двух различных понятий с собственными сферами применения.

В случае понятия истины мы имеем дело с аналогичной ситуацией. Корреспондентная теория истины, как указывает Х. Филд, имеет свою сферу применения: понимание лингвистического поведения носителей языка. Интерпретация произносимых звуков, написанных знаков как осмысленных вполне естественно достигается на основе условий истинности и корреспондентной теории истины. Если присутствие корреспондентной концепции в обыденном употреблении слова «истина» кажется естественным и даже очевидным, то для введения в него дефляционной концепции требуется обоснование. Прежде всего, дефляционная концепция истины такова, что не предусматривает для понятия истины никакой теоретической роли в причинном объяснении, оно никак не связано с употреблением слов в предложении, истинность которого утверждается. Последовательный дефляционист будет признавать за истиной исключительно функции логического средства, или инструмента, выполняющего прежде всего, если не исключительно, функцию обобщения. В современной философии принято противопоставлять дефляционную и корреспондентную теории истины. В связи с этим особенно интересным представляется заявление Филда о сосуществовании обеих концепций¹ в практике использования естественного языка. Ниже мы рассмотрим вопрос о том, насколько современное состояние обеих концепций позволяет реализовать идею Филда.

Несмотря на свою долгую историю, корреспондентная концепция истины представляет собой скорее набор интуиций, чем целостную теорию. Согласно этим интуициям, корреспондентная теория обязательно включает в себя следующие тезисы: 1) понятие

«истина» обозначает подлинный предикат; 2) оно обозначает свойство, которым обладают носители истинности; 3) обладают они им в силу отношения (соответствия) к тому, о чем они говорят; 4) обладают этим свойством независимо от нашего знания о том, о чем они говорят. Истина – это отношение, быть истинным – значит находиться в определенного рода отношении к чему-то. Возвращение корреспондентной теории истины в качестве respectable философской концепции после длительного ее забвения произошло благодаря семантической теории истины А. Тарского. Эта теория была воспринята как прекрасный пример избавления традиционных философских проблем от бесплодной метафизики средствами логического анализа, что обеспечило, согласно сторонникам теории, окончательное решение проблемы истины: «Это один из редких примеров того, как классический философский спор решается, можно сказать, с помощью теоремы, принадлежащей логике или металогики». [2, с. 303].

В семантической концепции А. Тарского истина определяется для частного языка L , причем для самого определения требуется некоторый метаязык (ML). Допустим, наш объектный язык L исчерпывается двумя предложениями английского языка: «The snow is white» и «The grass is green»; а в качестве ML выступает русский язык. Тогда, согласно Тарскому, предикат истины для L можно определить в ML следующим образом:

«The snow is white» истинно, если и только если снег бел.

«The grass is green» истинно, если и только если трава зеленая.

Полученные предложения являются теоремами ML , что демонстрирует соответствие определения истины критерию адекватности, по Тарскому.

Для семантической концепции истины принципиальными являются свойства ML , в котором конструируется определение L -истины. Для того чтобы искомое определение было получено, ML должен быть богаче, чем L : он должен содержать, например, соответствующие множества и множества множеств, которые уже не содержит L , для которого строится определение истины. При этом при определении истины для языка L в ML не используется никаких примитивных понятий, которые не были бы примитивными в са-

мом L . Единственное исключение представляет понятие множества, но оно, как отмечает Х. Патнэм, не является «deskриптивным» понятием и принадлежит к логическому словарю наравне со связками. Таким образом, ML не содержит никаких deskриптивных примитивных понятий, которых нет в L . В частности, если в L не содержится никаких примитивных понятий для интенциональных понятий, определение L -истины строится с помощью неинтенциональных терминов. Такую стратегию определения истины Патнэм называет «творением семантики из ничего»: «“Семантическое” понятие должно быть определено без использования семантических примитивов! Воистину, название теории Тарского – “семантическая концепция истины” в высшей степени ошибочно! Было бы гораздо правильнее называть ее “несемантическая концепция истины”» [8, p. 321].

Накладываемые на ML требования имеют далеко идущие следствия. Так, вернемся к частичному определению истины по А. Тарскому, используя канонический пример с предложением «Снег бел»: «Снег бел» истинно, если и только если снег бел. Последнее является теоремой ML , для доказательства которой не требуется ничего, кроме аксиом логики. И как теорема логики оно истинно во всех возможных мирах. Х. Патнэм подчеркивает, что если в L не содержится никаких интенциональных примитивных понятий, определение L -истины также не может включать их. Следовательно, если не сделано никаких предположений относительно использования языковых выражений, предложение «“Снег бел” истинно, если и только если снег бел» остается истинным в любом возможном мире, даже в таком, где «снег бел» не имеет такого же значения, как в разговорном русском, и означает, например, «травя зеленая».

На этих основаниях Х. Патнэм попросту выносит приговор семантической концепции истины как философской теории. Как философская экспликация понятия истины теория А. Тарского терпит полное фиаско. Единственное, что нам дает эта теория, – логически безупречный способ определения предиката, который коэкстенсивен предикату истины, если последний ограничен в своем применении предложениями частного интерпретированного формализованного языка. Этого вполне достаточно для нужд математики и математической логики, которые связаны с объемом понятия истины, оставляя за пределами своего интереса его интенционал. Действительно, определение истины для языка L в семантической концепции зависит от двух факторов: порядка символов и фактов. «Яв-

ляется ли или нет произвольная цепочка букв *L*-истинной, зависит только от следующего: от того, как составлена эта цепочка букв (от *правописания*, другими словами), и является ли снег белым и является ли луна голубой. Если мы знаем правописание цепочки слов и знаем, является ли снег белым и луна голубой, тогда мы можем решить *в любом возможном мире*, является ли цепочка букв *L*-истинной. Тогда, в частности, цепочка букв “Schnee ist weiss” обладает свойством быть *L*-истинной во всех мирах, в которых снег бел, *включая* миры, в которых она обозначает то, что вода жидкая» [8, Р. 325].

В связи с этим Х. Патнэм настаивает на том, что теория А. Тарского не может быть ни семантической, ни даже прагматической теорией истины. А это лишает ее всякого философского интереса. Безупречная и интересная с точки зрения математической логики, семантическая концепция Тарского вообще не имеет отношения к философскому анализу обыденного понятия истины. Наше интуитивное понятие истины является интенциональным и не исчерпывается наличием фактов и правописанием предложений, но именно это понятие Тарский и намеревался определить в своей концепции, не используя никаких семантических терминов. В итоге мы, по выражению Патнэма, имеем дело с чем-то, что правильнее было бы назвать *не*-семантической концепцией *не*-интуитивного понятия истины. А восторженные отзывы о достижении Тарского со стороны того же К. Поппера являются ярким свидетельством того, что философы попросту «проспали всю оперу [8, Р. 320].

Упрек Х. Патнэма в адрес семантической концепции истины в том, что она может быть чем угодно, но только не семантической экспликацией интуитивного понятия истины, на что как на цель своей работы указывает Тарский, ставит под сомнение оправданность таких спорных вопросов, как является ли теория формально-логической экспликацией корреспондентного понимания истины или должна пониматься как вклад в дефляционную теорию. Подобного рода вопросы неуместны, так как связаны именно с философским рассмотрением истины. Согласно же Патнэму, это не те вопросы, которые следует адресовать философски бесплодной теории Тарского.

Естественно, защитники семантической теории не могли оставить критику Х. Патнэма без внимания. Я. Воленский так отозвался о ней: «Тем не менее, Патнэм не прав и, подражая ему, его критика Тарского настолько провальна, насколько это возможно для

критики» [1, с. 69]. Следует согласиться с тем, что Тарский действительно преобладающее внимание уделяет экстенсионалу понятия истины. Но, как заявляет Воленский, Тарский, «взросший в традиционной логике, прекрасно знал, что каждый экстенсионал ассоциирован с интенционалом» [Там же, с. 69]. Хотя сложно счесть это заявление возражением на критику, Воленский продолжает, обвиняя Патнэма в том, что его апелляция к тому, что задачей философии является прояснение интуитивных понятий, указывает на то, что наше интуитивное понятие истины слишком расплывчато и неясно, чтобы вообще можно было судить о степени соответствия ему той или иной предложенной экспликации. После этих предварительных соображений Воленский предлагает конкретные контраргументы против концепции Патнэма.

Прежде всего, А. Тарский никогда не рассматривал схему эквивалентности как логическую теорему. Используя все тот же пример: если бы «Снег бел» истинно, если и только если снег бел» было тавтологией, то его отрицание было бы противоречием, чего нет. Любой пример схемы эквивалентности является следствием определения истины:

A истинно, если и только если *A* выполняется всеми бесконечными последовательностями объектов.

Последнее не является тавтологией и то же самое справедливо для всех его следствий. Если примеры схемы эквивалентности не являются тавтологиями, они не могут быть истинными во всех возможных мирах, а истинны только в мирах, соответствующих определенным условиям.

Касаемо семантических характеристик, присущих определению истины в концепции А. Тарского, необходимо признать, что понятие истины для языка *L* определяется в синтаксисе языка *ML*. И действительно, *ML* не содержит семантических примитивов. Проблему отображения семантики *L* в синтаксисе *ML* Тарский характеризует следующим образом: «Метаязык, который должен сформировать основание семантического исследования, должен содержать оба вида выражений: выражения первоначального языка и выражения морфологии языка. В придачу к этому, метаязык, подобно любому другому языку, должен содержать больший или меньший запас чисто логических выражений. Теперь возникает вопрос, дейст-

вительно ли метаязык, укомплектованный выражениями упомянутых форм, является достаточным основанием для семантического исследования» [3, с. 87]. Я. Воленьский обращает внимание на то, что *ML* не является чисто логическим, потому что содержит в себе дескриптивные выражения, например «выражение E_1 является частью выражения E_2 ». Вопрос, который Тарский ставит в конце приведенной цитаты, Воленьский рассматривает как принципиальный, так как сам этот вопрос касается проблемы сведения понятия истины к понятию выполнимости.

Выражение понятия истины через понятие выполнимости иллюстрирует следующий простой пример:

Формула Ft_1 выполняется последовательностью объектов s , если и только если $d(t_1) (= s_1) \in d(F)$,

что означает: формула $F(t_1)$ выполняется последовательностью s , если денотация термина t_1 , т.е. первого члена последовательности s , принадлежит к предикату F , т.е., объект s_1 является элементом множества $d(F)$. (Вспомним канонический пример: предложение «Снег бел» истинно, если и только если снег является элементом множества белых объектов.) Правая часть приведенного утверждения – это выражение теории множеств. То есть теория множеств является элементом метаязыка, в котором определяется понятие истины. Я. Воленьский указывает, что определение выполнимости переводит содержание $F(t_1)$ в язык теории множеств. В случае определенного обыденного языка, на основе которого создается его *ML* (например, мы создаем *ML*-русский для *L*-разговорного русского языка), значение теории множеств в процедуре перевода выражений *L* в *ML* затушевывается в связи с необходимостью использования искусственных средств «самоперевода» предложений *L* в *L*, но в случае двух различных обыденных языков, которые мы рассмотрели при изложении критики Х. Патнэма, ситуация проясняется.

Вернемся к нашему примеру: «The snow is white» истинно, если и только если снег бел. В этом случае теория множеств обеспечивает перевод, независимый от выбранного языка, но основанный на способе понимания процедуры перевода. Вновь, согласно А. Тарскому, перевод является синтаксическим. Но Я. Воленьский предупреждает, что сам Тарский дал пояснения этому обстоятельству: «Возможно, остается добавить, что мы не заинтересованы здесь в

“формальных” языках и языках наук в особом смысле слова “формальный”, а именно, в языках наук, которым не придано значение. Для таких наук обсуждаемая здесь проблема не имеет отношения, это вообще бессмысленно. Мы всегда должны приписывать совершенно конкретные и понятные для нас значения знакам, встречающимся в рассматриваемых языках. ...Выражения, называемые нами предложениями, остаются предложениями после того как встречающиеся в них знаки были переведены в разговорный язык. Определенные в качестве аксиом предложения являются для нас содержательно истинными, и выбирая правила вывода, мы всегда руководствовались принципом, согласно которому предложения, полученные посредством применения этих правил к истинным предложениям, также должны быть истинными» [3, с. 126–127].

Я. Воленьский рассматривает приведенную цитату как неопровержимое доказательство в пользу именно «семантической природы» концепции А. Тарского: «Этот фрагмент делает для нас ясным, что Тарский рассматривает анализируемый язык как осмысленный, причем не только семантически, но даже прагматически» [1, с. 72]. При этом сам Воленьский указывает, что заявления Тарского о том, что имеется в виду под значением рассматриваемых языковых выражений, далеко не ясны. Например, Тарский заявляет, что смысл выражения определен его формой, но какого-либо прояснения этого заявления мы не найдем. Более того, представление о значении в семантической концепции порождает огромное количество вопросов, что признают и самые рьяные сторонники А. Тарского. Можно утверждать, что современное состояние корреспондентной теории истины далеко от того, чтобы считать ее завершенной. Поэтому было бы поспешным рассматривать ее в нынешнем варианте как вполне пригодную для преобразования тезиса Х. Филда о присутствии в естественном языке двух концепций истины в полноценную концепцию.

Теперь нужно обратиться ко второй составляющей тезиса Х. Филда – к дефляционной концепции. Дефляционизм трактует предикат истины как бессодержательный, и это вполне соответствует тезису Филда о том, что за дефляционным предикатом истины закреплена функция обобщения. В общем виде понятие истины подобно не столько реальному предикату, сколько логической связке, наподобие отрицаний, в которых не стоит искать никакого метафизического содержания. Эта общая для всех сторонников дефляцио-

низма позиция предопределяет представления о том, в чем должно заключаться приемлемое решение проблемы истины: оно не может состоять в экспликации природы свойства, обозначаемого предикатом истины, а может быть лишь экспликацией его функций в языке. Для подавляющего большинства сторонников дефляционной теории значение слова «истинно» было разъяснено семантической теорией А. Тарского. Т-предложение Тарского полностью эксплицирует значение понятия истины: зная Т-предложения, мы знаем «все, что может быть сказано об истине». Схема эквивалентности Тарского характеризует условия применимости понятия истины в потенциально бесконечных случаях. Признание семантической теории в качестве подлинного и окончательного определения значения понятия истины основано на том, что не может быть предоставлено никакой иной, более фундаментальной теории, содержащей более простые и более общие аксиомы, чем теория Тарского: Т-предложения могли бы быть объяснены только на основе принципов, более простых и всеобщих, чем они, – принципов, касающихся элементов пропозиции и условий, при которых их соединение порождает истинность.

Трактуя схему эквивалентности А. Тарского как некоторый предельный уровень экспликации понятия истины, дефляционизм абсолютизирует функцию раскавычивания, играющую центральную роль уже на этапе построения частичного определения истинности по Тарскому. Эта абсолютизация лежит в основании дисквотационной версии дефляционного подхода. Наиболее ярким его сторонником является У. Куайн, выразивший в присущей ему афористической манере основное положение дисквотационализма: «Истина есть раскавычивание». В случае дисквотационной версии дефляционизма основной функцией предиката истины признается функция семантического восхождения, что позволяет посредством наложения кавычек на предложения подниматься на более высокий уровень в семантической иерархии. То есть предикат истины интерпретируется в качестве средства, позволяющего связывать предложение и термин, и наоборот: налагая кавычки на предложение, мы получаем термин, снимая их – восстанавливаем предложение. В случае наложения кавычек предложение становится объектом, и вместо произнесения самого предложения мы можем посредством кавычек представить его в качестве объекта и приписать ему свойство истинности. Именно в обеспечении возможности такой процедуры и

состоит основная функция понятия истины, согласно дисквотационной версии дефляционной программы. Трактовка предиката истины как инструмента раскавычивания приближается к трактовке утверждения предложения и приписывания ему истинности с наложением кавычек к логической эквивалентности.

Уподобляя истину логической связке, сторонник дефляционного подхода может абсолютизировать другую функцию предиката истины. Такая трактовка во многом представляет собой расширение экспрессивной функции истины на формальные системы. В данном случае речь идет о том, что предикат истины по большому счету помогает «сберечь время и чернила» – позволяет избежать потенциально бесконечных конъюнкций и дизъюнкций, как например, в случае выражения принципа математической индукции, когда вместо потенциально бесконечной конъюнкции можно использовать предикат истины и квантор всеобщности в первопорядковой логике.

Действительно, все указанные свойства предиката истины, выделенные сторонниками дефляционного подхода, характеризуют его как лишенный какого-либо содержания. Обобщением такой экспрессивистской и логической трактовки функций предиката истины является общее заявление, что его использование не может привнести никакого существенно нового содержания. Формальным представлением такой бессодержательности предиката истины является свойство консервативности расширения теории с добавлением к исходному предикату истины. В связи с этим дефляционная программа кажется существенно связанной с требованием консервативности. Более того, можно утверждать, что такое требование выглядит как следствие дефляционного подхода: если понятие истины является бессодержательным и выполняет исключительно роль логического инструмента, то добавление его к некоторой теории Γ должно привести к получению теории Γ' , которая будет консервативной по отношению к исходной теории. Собственно, требование консервативности можно назвать лаконичным выражением дефляционной концепции.

Проблема консервативности расширения теории с предикатом истины породила невероятно бурную и плодотворную дискуссию вокруг обоснованности дефляционной теории. Не углубляясь в детали дискуссии, отметим, что сейчас данная проблема рассматривается в связи с созданием аксиоматических теорий истины, отвечающих этому требованию и соответствующих изучению их выра-

зительных возможностей. Говорить о том, что в какой-либо из многообразных своих формулировок дефляционная теория решила проблему консервативности расширения, сохраняя сколько-нибудь интересные выразительные возможности исходной теории, рано. Так что вновь отметим: дефляционная концепция пока не развита до той степени, которая позволила бы интегрировать ее в дальнейшее развитие тезиса Х. Филда, что позволило бы оценить сам тезис в полной мере.

В завершение позволим себе наметить дальнейшие направления развития тезиса Х. Филда о смещении в обыденном понимании истины двух столь разных концепций истины. Прежде всего, нам кажется, что саму исходную формулировку тезиса Филда можно немного уточнить: он противопоставляет корреспондентное и дефляционное понимания истины как соответственно содержательное и бессодержательное, исключительно логическое по своей сути. Но функция обобщения, являясь экспрессивной, не лишена и теоретической роли. Например, в случае математики предикат истины, даже в исключительно дисквотационной трактовке, увеличивает теоретико-доказательную силу исходной теории, что и позволяет истине играть столь важную роль в математике. Нам кажется, что исследование аксиоматических систем с различными дефляционными трактовками истины и их теоретико-доказательных характеристик позволит не только получить более точную и жизнеспособную теорию истины, но и смягчить излишний ригоризм исходной формулировки тезиса Х. Филда за счет включения в дефляционную составляющую понятия истины в естественном языке и теоретико-объяснительной функции наряду с синтаксической.

Литература

1. *Воленский Я.* Львовско-Варшавская философская школа. – М.: РОССПЭН, 2004. – 472 с.
2. *Поннер К.* Объективное знание: Эволюционный подход. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – 384 с.
3. *Тарский А.* Понятие истины в языках дедуктивных наук // *Философия и логика Львовско-Варшавской школы.* – М.: РОССПЭН, 1999. – С. 19–156.
4. *Field H.* Deflating conservativeness argument // *Journal of Philosophy.* – 1999. – No. 96. – P. 533–540.
5. *Field H.* Deflationist views of meaning and content // *Field H. Truth and the Absence of Fact.* – Oxford: Clarendon Press, 2001. – P. 104–141.
6. *Field H.* Tarski's theory of truth // *Journal of Philosophy.* – 1972. – Vol. 69. – P. 347–375.

7. *Field H.* The deflationary conception of truth // *Fact, Science and Value* / Ed. by G. MacDonald and C. Wright. – Oxford: Blackwell, 1986. – P. 55–117.

8. *Putnam H.* On truth // Putnam H. *Words and Life*. – Cambridge: Harvard University Press, 1994. – P. 315–329.

References

1. *Wolenski, J.* (2004). Lvovsko-Varshavskaya filosofskaya shkola [Lvov-Warsaw Philosophical School]. Moscow, ROSSPEN Publ., 472. (In Russ.).

2. *Popper, K.* (2002). *Obyektivnoe znanie: Evolyutsionnyy podkhod* [Objective Knowledge: An Evolutionary Approach]. Moscow, URSS Publ., 384. (In Russ.).

3. *Tarski, A.* (1999). Ponyatie istiny v yazykakh deduktivnykh nauk [The concept of truth in languages of deductive sciences]. In: *Filosofiya i logika Lvovsko-Varshavskoy shkoly* [Philosophy and Logic of Lvov-Warsaw School]. Moscow, ROSSPEN Publ., 19–156. (In Russ.).

4. *Field, H.* (1999). Deflating conservativeness argument. *Journal of Philosophy*, 96, 533–540.

5. *Field, H.* (2001). Deflationist views of meaning and content. In: *Field, H. Truth and the Absence of Fact*. Oxford, Clarendon Press, 104–141.

6. *Field, H.* (1972). Tarski's theory of truth. *Journal of Philosophy*, 69, 347–375.

7. *Field, H.* (1986). The deflationary conception of truth. In: MacDonald, G. & C. Wright (Eds.). *Fact, Science and Value*. Oxford, Blackwell, 55–117.

8. *Putnam, H.* (1994). On truth. In: Putnam, H. *Words and Life*. Cambridge, Harvard University Press, 315–329.

Информация об авторе

Хлебалин Александр Валерьевич – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права СО РАН (630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: sasha_khl@mail.ru).

Information about author

Khlebalin Aleksandr Valerievich – Candidate of Sciences (Philosophy), Researcher at the Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (8, Nikolaev st., Novosibirsk, 630090 Russia, e-mail: sasha_khl@mail.ru)

Дата поступления 05.06.2018